

ИЗ ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕКАНКИ В XVI в.

В работе «Из истории Новгородского денежного двора XVII в.» В. Л. Янин показал, что Новгородский денежный двор значительно расширил свою территорию к 1586 г. Ему удалось выяснить, что в дополнение к основной территории двора, который располагался на Ярославовом дворище, между церквями Николаи и Святых Отцов, в начале 80-х годов XVI в. был отведен бывший двор Федосеева на Рогатицкой улице, а спустя несколько лет вместо него бывший двор Язычкова, превосходивший федосеевскую усадьбу втрое.¹ Размер присоединенной площади составлял 25 саженей в длину и 15 в ширину. Даже не зная размеров участка, где располагался основной денежный двор в Новгороде, мы должны признать, что в общей сложности площадь, где осуществлялось производство монет в Новгороде, стала довольно внушительной. Достаточно сказать, что Псковский денежный двор в 1585—1586 гг., по данным писцовой книги, занимал площадь, состоящую из 24 саженей в длину и 23 саженей «поперег»,² — территорию, немногим меньшую бывшего двора Язычкова, где располагалось только дополнительное помещение Новгородского двора.

Возникает вопрос: какие обстоятельства могли вызвать расширение площади денежного двора? Сразу следует отвести предположение о том, что денежное производство с 80-х годов XVI в. переместилось из основного помещения на Ярославовом дворище на Рогатицу. Писцовые книги, описывающие бывший двор Язычкова, сообщают только, что на Рогатицкой улице находится «двор нетяглои денежной гостиные сотни Гавриловской Язычкова, а дворник в том дворе Дорох, нетяглои; длина дватцать пять сажен, а поперег пятнадцать сажен».³ Это краткое описание, на наш взгляд, свидетельствует, что на Рогатице существовало строение, где мог жить дворник, но ни производственных помещений, ни самого производства не было. Такой вывод напрашивается при сравнении описания двора на Рогатице с описанием Псковского денежного двора, где указаны не только его расположение и размеры «в длину» и «поперег», но и описываются производственные помещения. В сарае размещалось пять каменных печей, где плавил серебро, и четыре печи предназначались для приготовления из этого серебра проволоки, здесь «тянули»

¹ Янин В. Л. Из истории Новгородского денежного двора XVII в. — Вспомогат. истор. дисциплины, X. Л., 1978.

² Сб. Московского архива Министерства юстиции, т. 5. М., 1913, с. 12—13.

³ Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1912, с. 30.

серебро. В соседнем амбаре делали «гнезда, в чем плавят серебро», т. е. готовили серебро для плавки. В двух избах чеканили «мастеры денги», в одной из комнат сидели приказчик «с товарищи» — администрация двора. Посреди двора стоял погреб, у ворот помещались два колодца. Рядом с двором жили дворники, два человека. Писцовая книга называет имена приказчиков, денежных мастеров и дворников, а также указывает, где в городе жили денежные мастера Гаврило Матвеев и Остафий Иванов, сын Кладов.⁴

Лаконичная запись в новгородской писцовой книге, конечно, не идет ни в какое сравнение с этими подробными сведениями и недвусмысленно свидетельствует, что к 1586 г. — времени составления писцовой книги — новое помещение на Рогатице освоено еще не было. Однако не вызывает сомнения и тот факт, что какие-то причины побудили искать дополнительную площадь для Новгородского денежного двора. Это могло произойти в 70-х годах XVI в., поскольку первое свидетельство о приобретении двором дополнительного помещения фиксируется новгородской писцовой книгой 1581—1582 гг. Наиболее возможным поводом для расширения площади двора, очевидно, должно было стать расширение денежного производства во второй половине XVI в., с чем не под силу было справиться старому денежному двору, основанному в 20-х годах XV в.

Однако, согласно существующей классификации монет Ивана Грозного, к новгородской чеканке отнесены только два выпуска, между которыми существует большой разрыв во времени: безымянная копейка 1535 г. и серия монет с именем и царским титулом Ивана IV, отмеченная на лицевой стороне знаками МА, С/МН, ИВ/р и Θ/р.⁵ Автор классификации — И. Г. Спасский — объяснял нерегулярный характер чеканки «суровым и подозрительным отношением к Новгороду» со стороны Ивана IV.⁶ Правда, исходя из огромного числа монет, отнесенных им к новгородскому чекану, И. Г. Спасский признавал значение Новгорода как «чрезвычайно важного центра внешней торговли Русского государства в годы Грозного».⁷ Тем не менее из-за событий внутривосточного характера и Ливонской войны торговая деятельность новгородского купечества приостанавливалась, серебро на денежный двор не поступало, и он мог не работать годами, заключает исследователь.⁸ Ведущее значение во все годы правления Грозного занимал, по его мнению, Московский денежный двор, на котором перерабатывалась основная масса се-

⁴ Сб. Московского архива Министерства юстиции, с. 12—13.

⁵ Буквенные сочетания обозначают, по всей видимости, начальные буквы имен собственных.

⁶ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. Историко-нумизматическое исследование. — МИА СССР, 1955, № 44, с. 308, 309.

⁷ Там же, с. 309.

⁸ Там же, с. 302.

ребра, постулавшего в Россию главным образом через казенные заказы. Из сорока семи типов монет Ивана IV (денег и копеек, не считая полушек) на долю московского чекана, по классификации И. Г. Спасского, приходится 36 типов, на долю новгородского — 6, псковского — 4 и тверского — 1.⁹ Трудно поверить, что незначительные масштабы чеканки на Новгородском денежном дворе, осуществлявшейся к тому же с перерывами, могли потребовать расширения площади денежного двора. Вызывает недоумение и то обстоятельство, что деятельность именно Новгородского (а не Московского!) двора оставила наибольшее количество сведений в письменных источниках середины и второй половины XVI в. Это, во-первых, пространное сообщение Софийской летописи 1535 г. об осуществлении денежной реформы в Новгороде и о порядке управления денежным двором в Новгороде — первое свидетельство об организации «государевых» денежных дворов.¹⁰ В 1565 г. Барберини сообщал о существовании в Московии Московского и Новгородского дворов.¹¹ Возможно, он мог сделать такой вывод исходя из распространенных названий монет «московка» и «новгородка», но, как справедливо заключает И. Г. Спасский, «он мог сделать свою запись, достоверно зная, что в Новгороде, так же как и в Москве, имеется денежный двор».¹² Текст соглашения 1569 г. с Английской торговой компанией о праве чеканить монету на русских денежных дворах называет казенные дворы в Москве, Новгороде и Пскове.¹³ В 1571 г. в уставной таможенной грамоте о взимании пошлин на Торговой стороне в Новгороде прямо говорилось о чеканке монет: «А кто променит гроши, или серебро на денги сделает, а тамошником у них имати тамга по томуж, как емлют с которого города людей».¹⁴ Наконец, о Новгородском денежном дворе сообщают писцовые книги 1581—1582 гг.¹⁵ и книги, составленные до 1586 г.¹⁶ Заметим, что о Московском денежном дворе можно узнать из летописных свидетельств 1535 г., позволяющих судить, что в 1535 г. в Москве работал денежный двор,¹⁷ из сообщения Торговой книги конца XVI в. о том, что «на Москве» из «ефимков добрых» чеканятся московки¹⁸ (т. е. денги), а из сообщения

⁹ Там же, табл. 1; рис. 9 на с. 301.

¹⁰ ПСРЛ, т. VI. Софийская летопись. СПб., 1853, с. 296, 297.

¹¹ Сказания иностранцев о России в XV—XVI вв. СПб., 1843.

¹² Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... с. 302.

¹³ Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. — Зап. Нумизмат. отд. Русского археол. об-ва. СПб., 1910, с. 73.

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров, т. II. СПб., 1819, № 43.

¹⁵ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911, с. 219, 235, 239.

¹⁶ Греков Б. Д. Опись Торговой стороны... с. 30.

¹⁷ ПСРЛ, т. VIII. Воскресенская летопись. СПб., 1859, с. 289.

¹⁸ Торговая книга. — Зап. Общ. славяно-русской археологии, т. I, отд. 3. СПб., 1851, с. 116.

немца-опричника Г. Штадена о расположении Московского двора на Варварке.¹⁹ К этим данным присоединяются указанные выше сведения Барберини и текст соглашения 1569 г. с Английской компанией. О работе Псковского двора косвенно свидетельствует летописное известие 1537—1538 гг. о денежной реформе²⁰ и рассказывает писцовая книга 1585—1586 гг.²¹ О Тверском денежном дворе, работавшем только в первой половине правления Грозного,²² сведений в письменных источниках середины и второй половины XVI в. вообще не обнаружено.

Все перечисленные аргументы позволяют усомниться в правильности существующего представления о второстепенном значении Новгородского денежного двора при Иване Грозном. Правда, сравнительно большое количество письменных источников о Новгородском денежном дворе можно объяснить случайным стечением обстоятельств, объективно не отражающих истинное состояние двора при Грозном. Остаются данные классификации монет Грозного — единственные достоверные свидетельства о его работе, и эти свидетельства красноречиво говорят, что Новгородский денежный двор при Грозном вряд ли нуждался в дополнительной площади для расширения производства.

Классификация монет Ивана IV была создана много лет назад, и уже тогда, в момент ее создания, автор — И. Г. Спасский — выражал некоторые сомнения по ее поводу: «... отсутствие подходящих кладовых и других материалов вынуждает к большой осторожности в окончательных выводах и оставляет некоторые из них под большим или меньшим сомнением».²³ За время, истекшее с момента написания этих строк, источниковая база для создания классификации заметно изменилась. Если в 1955 г. исследователи располагали приблизительно десятком кладов Грозного и одним времени Федора,²⁴ то ныне число доступных для визуального изучения кладов этого периода достигло 43. Эти клады, изученные и определенные согласно современной методике по соотношению штемпелей,²⁵ позволили предпринять попытку проверить классификационную схему, правильность разбивки монетных типов по времени и месту чеканки.

Методической основой систематизации монет на основании данных кладовых комплексов и их сравнительного изучения яв-

¹⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. с. 105.

²⁰ Псковские летописи, вып. II. М., 1955, с. 229.

²¹ Сб. Московского архива Министерства юстиции, с. 12—13.

²² Яковлев Г. Г. К вопросу о денежной реформе правительства Елены Глинской. — Нумизмат. сборник, т. 4, вып. 1. М., 1971.

²³ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... с. 300.

²⁴ Там же. с. 279—285, 296—297; Спасский И. Г. Леньги. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века. Изд. Моск. ун-та, 1977, с. 237.

²⁵ Подробнее см.: Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... разд. «Техника».

ляется следующее наблюдение. Состав и структура кладов всегда заметно варьируются в зависимости от места находки клада. Монетные комплексы, найденные поблизости от центров чеканки, неизменно обнаруживают преобладание монет ближайшего денежного двора. Эта закономерность прослеживается на материале русских кладов XVI—XVII вв. с удивительным постоянством. До конца 20-х годов XVII в. частные лица имели право заказывать на государственных дворах деньги из собственного сырья наравне с казенными заказами,²⁶ следовательно, распределение готовой продукции было централизовано лишь в какой-то степени. Локальные особенности состава монетных кладов, столь отчетливо проявляющиеся в кладах времени Ивана IV и Федора Ивановича, находят вполне объективное объяснение в практике выдачи готовой продукции с денежных дворов в эту эпоху. Анализ состава кладов времени Грозного и Федора Ивановича должен дать представление о структуре денежного обращения того времени и о локальных особенностях этой структуры. Если отношение к новгородскому чекану вышеперечисленных типов монет Ивана соответствует истине, они неизбежно должны количественно возобладать в кладах новгородского ареала денежного обращения, равно как московские в кладах московского ареала, псковские — псковского и тверские — тверского. Имеющихся в нашем распоряжении кладов достаточно для получения объективных представлений о локальных структурах денежного обращения Русского государства в середине и второй половине XVI в.

43 клада были разбиты на четыре группы по местам находок возле Москвы, Пскова, Новгорода и Твери (Калинина) — центров чеканки монет в XVI в. В таблице, которой мы будем оперировать далее, вместо подробного описания клада содержатся только указания на порядковые номера кладов, а само описание кладов помещено в «Список кладов монет Ивана IV и Федора Ивановича» (см. Приложение). Воспроизводя поштемпельный состав клада, мы будем ссылаться на обозначения штемпелей по классификации И. Г. Спасского, получивших следующие условные обозначения:

ДЕНГИ:	великокняжеские, без букв, именные, 1535—1547, Сп., с. 301, рис. 9, Е, Е ₁ , Ж, З, И, Л, М I
	царские, без букв, с буквами ДЕ, 1547—1584, Сп., с. 301, рис. 9, Н, О, П, Р, С II
	великокняжеские, безымянные, без букв, 1535—1547, Сп., с. 301, рис. 9, А, Б, В III
	великокняжеские, без букв, именные, с написанием слова «великий» через И десятиричное, 1535—1547, Сп., с. 301, рис. 9, Г IV
	великокняжеские с буквой ѿ, именные, 1535—1547, Сп., с. 301, рис. 9, Д V
	царские, с буквами ИВ, именные, 1547—1550-е, Сп., с. 301, рис. 9, Т VI

²⁶ Мельникова А. С. Особенности русского денежного обращения в XVII в. — История СССР, 1968, № 5.

КОПЕЙКИ:	мечевые, великокняжеские, именные, 1535—1538,	
	Сп., т. I, в	VII
	великокняжеские, безымянные, с буквой А, 1535—1538,	
	Сп., т. I, а	VIII
	великокняжеские, безымянные, без букв, 1535—1538,	
	Сп., т. I, б	IX
	великокняжеские, именные, с буквами ФС, 1538—1547,	
	Сп., т. I, г	X
	царские, именные, с буквами ПС, 1547—1550-е,	
	Сп., т. I, к	XI
	царские, именные, с буквами ИВА, 1547—?,	
	Сп., т. I, д	XII
	царские, именные, с буквами ГР, 1547—1550-е,	
	Сп., т. I, е	XIII
	царские, именные, с буквами АЛ, ГД, ВАЯ, С/ВАЯ,	
	к/МИХ, к/ВА. Я/ДМ, Ю/Р, к/АН, Θ/АН, 1555-е—1584,	
	Сп., т. I, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, ц, ч	XIV
	царские, именные, с буквами МА, С/МН, ИВ/р, Θ/р,	
	1560-е—1584,	
	Сп., т. I, ш, щ, э, ю, я	XV

Полушки в таблицу не помещены из-за редкости их находок в кладах, также не попали сюда сведения о монетах плохой сохранности.

Мы исключили из таблицы и копейки с именем Ивана, с буквами К/ХХ и ПС, отмеченные на классификационной схеме И. Г. Спасского литерами Ж, З, И. Эти монеты не встречены ни в одном из кладов Грозного и Федора Ивановича, хотя в кладах начала XVII в. находятся единичные экземпляры этих копеек, которые И. Г. Спасский условно назвал «западными» из-за техники чеканки их при помощи пунсонов, не применяемой в русском денежном деле. «Западные» копейки требуют специального исследования, выходящего за рамки данной статьи. По всей видимости, к чекану Ивана IV они отношения не имеют.

Проверим по таблице содержание монет новгородского чекана в кладах всех ареалов. В таблице указывается процентное содержание группы предполагаемых новгородских монет, объединенных общими штемпелями и отмеченных на лицевых сторонах знаками МА, С/МН, ИВ/р, Θ/р (у И. Г. Спасского в таблице отмечены литерами ш, щ, э, ю, я; в нашей таблице это группа XV). Время появления этой группы И. Г. Спасский отнес к середине 50-х годов XVI в., но так как они отмечаются только в кладах 60-х—начала 70-х годов XVI в., мы передатируем время их чеканки на 60-е годы.

Результаты сравнительного анализа содержания монет «новгородского» чекана оказываются неожиданными: клады, найденные в Новгороде и Новгородской области, содержат более низкий процент копеек с буквами МА, С/МН, ИВ/р, Θ/р, которых в новгородских кладах оказывается меньше, чем в псковских; московские и тверские клады дают еще более низкие показатели. Следует также заметить, что эти копейки в кладах псковского ареала обнаруживают отличную сохранность.

Место и время чеканки типов монет Ивана IV

Дата	№ кладов	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
Московский ареал																
1537/8	6	62	—	7	17	—	—	—	5	7.3	—	—	—	—	—	—
1547	9	57	1.2	1.2	12	5	—	5	8.5	6.9	1.2	—	—	—	—	—
1550/5	11	55	—	3.6	11	13	—	1.6	5	—	3.2	1.6	—	1.6	—	—
	12	—	—	—	—	—	—	23	30	40	5.1	0.5	—	—	0.2	—
	16	24	—	—	—	—	—	34	20	7.3	4.87	4.87	—	—	2.4	—
1560-е	17	37	4.17	2.3	10	3.8	0.22	9	9	9.8	3.54	4.2	0.4	1.5	1.43	—
	18	2	—	—	—	—	—	11	10	8.6	7.4	21.1	3.92	14	21.62	5.1
1570-е	22	24	34	1	—	3.2	0.3	4	3.2	3.6	2.9	5.3	0.6	3.6	7.15	2.2
	24	27.8	13.65	0.5	—	1.95	0.24	9.51	5.36	2.92	4.14	7	0.73	7	12.32	6.36
1580	34	20	12.51	—	3.08	2.55	—	6.93	4.39	5.51	3.2	9.84	0.88	4.05	5.71	13.27
1585	37	28.91	21.88	1.35	4.59	4.86	0.53	4.59	3.78	3.51	1.35	5.67	—	4.05	6.72	5.67
	38	26.1	14.91	1.35	—	3.05	0.33	5.08	4.06	6.77	1.69	8.16	1.69	4.4	8.43	10.4
1596/98	40	—	—	—	—	—	—	3.52	0.7	9.87	5.63	16.2	6.33	13.38	16.14	18.26
В среднем 28			7.87	1.51	4.43	2.87	0.12	9.01	8.38	8.62	3.39	6.49	1.11	4.12	6.31	4.71
Псковский ареал																
1537/8	4	7.5	—	—	—	—	—	—	88.6	3.7	—	—	—	—	—	—
1550/55	14	27.1	4.8	1.2	7.6	1.2	0.4	0.4	2.02	2.02	0.4	20.6	6.4	23.4	0.83	—
1560-е	21	—	—	—	—	—	—	3.5	2.4	3.15	1.4	12.8	3.1	12.9	6.4	53.9
1570-е	23	17.8	16.66	0.75	4.92	2.08	—	3.21	1.85	0.94	1.85	4.73	0.75	3.42	3.38	36.16
1580-е	29	30.2	20.31	0.52	2.6	8.33	2.08	1.04	—	0.52	1.04	—	—	1.56	2.08	6.76
	32	25	16.6	—	—	—	—	4.1	4.1	8.3	4.1	16.6	—	—	—	8.3
	33	14.58	55.5	0.69	—	0.69	—	3.12	6.6	4.16	1.7	6.25	6.6	0.34	9.35	39.8

17*

259

Продолжение

Дата	№ кладов	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
1585	39	7.88	2.95	0.33	1.12	0.78	0.11	7.78	7.11	5.53	3.37	8.69	1.38	7.33	12.74	28.87
1596/98	42	10	13.6	—	—	—	—	3	3	—	—	3	—	6.66	19.66	40
	43	3.37	5.01	—	2.15	0.71	—	8.37	8.11	6.82	1.67	7.65	0.23	5.98	14.76	28.93
В среднем		14.84	8.46	0.34	1.83	1.37	0.25	3.45	12.37	3.45	1.55	8.03	1.84	6.15	7.68	24.27

Новгородский ареал

1537/8	5	72	—	9.02	—	—	—	4	4	4	—	—	—	—	—	—
1550/55	15	—	—	0.04	—	—	—	25	12.7	12.7	11	26	0.8	0.6	9.6	—
	20	—	—	12.05	—	—	—	2	—	—	6.2	8.3	4.1	20.08	28.7	16.6
1570-е	25	11.5	6.71	0.46	1.87	1.2	0.18	3.64	4.71	5.93	2.52	7.61	1.68	8.9	23.80	16.79
	35	26.29	12.27	0.24	—	2.21	—	2.94	2.7	2.7	5.4	6.63	0.73	5.65	13.24	17.93
1580-е	36	—	—	—	—	—	—	2.93	17.64	8.82	—	11.74	—	8.82	20.56	26.46
	41	—	—	—	—	—	—	7.64	8.4	9.21	5.5	10.09	2	11.77	22	22.92
В среднем		15.68	2.71	3.18	0.26	0.48	0.02	6.87	7.16	6.19	4.37	10.05	1.33	8.07	16.84	14.38

Тверской ареал

1550/55	10	59	3.2	—	—	8.6	0.3	5.2	4.9	6.8	4.5	2.3	—	—	0.3	—
	13	29.3	2.38	1.5	7.7	7.7	1.1	8.4	10.3	9.5	5.4	11.6	0.28	0.37	3.1	—
1570-е	19	46.6	6	2.69	5.79	7.45	0.2	2.48	2.69	3	2.2	3.51	0.2	1.44	4.62	0.62
	27	32.28	19.5	1.22	4.73	4.64	0.43	3.33	2.64	3.24	2.5	3.4	0.43	3.42	7.03	8.14
1580-е	28	32.54	17.99	1.47	6.35	3.75	0.97	4.35	3.26	4	1.8	4.6	0.69	4.25	6.76	6.71
	31	50.68	9.58	1.37	17.8	5.48	1.37	—	—	0.41	—	2.7	1.37	—	12.74	2.74
В среднем		41.73	9.75	1.37	7.06	6.27	0.72	3.96	3.96	4.49	2.76	4.68	0.49	1.58	4.09	3.03

Мы обратились к группе предполагаемых московских монет, чтобы проверить правильность их атрибуции и чтобы одновременно убедиться, не оказались ли случайностью результаты проделанного сравнительного анализа количества новгородских монет в кладах различных ареалов. В таблице показано распределение в кладах различных ареалов обширной группы копеек, объединенных общим оборотным штемпелем, лицевые стороны которых отмечены буквами АЛ, ГД, ВАЯ, С/ВАЯ, к/МИХ, к/ВА, Я/ДМ, к/АН, Θ/АН. В классификационной схеме — таблице И. Г. Спасского — они обозначены литерами м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, в нашей таблице это группа XIV. Время их чеканки Спасский датирует серединой 50-х годов XVI в., что подтверждается данными кладов.

Данные нашей таблицы наглядно свидетельствуют о количественном преобладании группы «московских» монет не в кладах московского ареала, а в новгородских кладах. Даже средние показатели процентного содержания монет этой группы в кладах 60—80-х годов всех четырех ареалов очень выразительны: в московских кладах их содержится 6.32%, в псковских — 7.68, в тверских — 4.09, а в новгородских — 16.84%, т. е. больше, чем во всех остальных.

В качестве контрольной проверки проследим содержание копеек с буквой ПС на лицевой стороне, которые всеми исследователями единодушно расшифровывались как знак Псковского денежного двора, а монеты относились к псковскому чекану (Сп., т. I, к, в нашей таблице группа XI). Они появились после 1547 г.

Как можно было убедиться, средний показатель процентного содержания копейки ПС в кладах псковского ареала, сложившихся после 1547 г., составляет всего около 8%, в то время как в новгородских кладах он оказался равным приблизительно 10%. Очень существенно, что в кладе из Новгорода, датированном 1550—1555 гг., содержится самое большое число копеек ПС — 26%, чеканка которых началась за несколько лет до захоронения клада. Разбиравший этот клад В. Л. Янин заметил: «Можно с уверенностью говорить о сложении его комплекса в Пскове»²⁷ именно в связи с большим числом «псковских» копеек в кладе новгородского происхождения.

Все эти наблюдения позволяют усомниться в правильности отнесения копейки ПС к псковской чеканке, а употребление букв ПС объяснить простым совпадением этого буквенного сочетания со знаком Псковского денежного двора, получившим повсеместное распространение лишь в самые последние годы XVI в.

²⁷ Янин В. Л. Монетные вклады Новгородского музея. — НиЭ, 1961, т. II, с. 146.

Данные поштемпельного анализа и сравнительный анализ структур кладов различных ареалов показали, что существующая классификация не нашла подтверждения при проверке еекладами. Это наблюдение послужило объективным основанием для пересмотра классификационной схемы монет Грозного, тем более необходимого, что она вызывала сомнение у самого ее создателя.

На основании данных таблицы мы пытаемся создать новую классификационную схему монет Ивана IV. Анализ таблицы дает возможность сделать очень важное наблюдение: по сумме средних показателей в кладах московского и тверского ареалов преобладают денги. В московских кладах их содержится около 45%, в тверских — около 67%. В псковских кладах сумма средних показателей содержания денег дает 26%, в новгородских — 22.33%. К тому же новгородские клады нередко оказываются состоящими только из копеек (из семи кладов денги встречены практически только в четырех; в кладе № 15 денги составляют только 0.04%).

Не менее интересно проследить, как и в каких количествах представлены в кладах копейки. В московских и тверских кладах каждый тип копейки в среднем насчитывает 3—6% и лишь три самые многочисленные группы копеек (таблица, группы VII, XIV, XV) достигают 8—9%. В псковских и новгородских кладах среднее содержание каждого типа копеек несколько выше — 8—9%, но в отдельных кладах содержание ряда типов весьма высоко: например, 88.6% — типа VIII, 40—53% — типа XV в псковских кладах, 20% — типа XIV в новгородских кладах.

Клады показывают, что основная масса денег сосредотачивалась в московских и тверских кладах, а основная масса копеек — в псковских и новгородских.

Вряд ли такое разделение номиналов между кладовыми комплексами можно объяснить случайностью. По всей видимости, в этом нашла выражение устойчивая традиция, зародившаяся в XV в. — разделение русского денежного обращения на два ареала — московский и новгородский, ведущее положение в которых заняли монеты московского и новгородского чеканов. К концу XV в. эта традиция закрепились в названиях основных номиналов денежной системы — «московки» и «новгородки» — с соотношением 2:1. Денежная реформа 1535 г. заменила «новгородку» копейкой, «московку» — денгой, понизив их весовое содержание, но сохранив соотношение, при котором на одну копейку приходилось две денги. Однако в официальном делопроизводстве и в живой речи до конца XVII в. вместо названий «копейка» и «денга» употреблялись «новгородка» и «московка»; устойчиво сохранялся счет на «новгородское число» со сто денежным рублем и на «московское число» с двухсотденежным рублем.²⁸ Клады

²⁸ Спасский И. Г. Русская монетная система. 4-е изд. Л., 1970.

XVI в. показали, что эти пережитки имели прочную материальную основу: московские земли более охотно принимали денгу, новгородские и псковские — копейку. Деление русского денежного обращения на два основных ареала (новгородский и московский) сохранилось, следовательно, и в середине, и во второй половине XVI в.

Анализ процентного содержания двух основных номиналов русской денежной системы в кладах XVI в. позволяет установить не только факт «живых следов» прежней автономии в денежном обращении, но и дает основание предполагать, что между русскими денежными дворами после 1535 г. закрепилось своеобразное «разделение труда»: новгородский и псковский дворы чеканили только копейки, московский и тверской — только денги. Косвенным подтверждением этого наблюдения может служить высказывание Барберини (1565 г.) о том, что в России талеры тотчас перечеканиваются в монету, которая называется денга; чеканят же ее только в двух местах — в Москве, где на монете изображается всадник с мечом, и в Новгороде, где на ней изображается святой Георгий (т. е. всадник с копьём. — А. М.).²⁹ О месте чеканки полушек судить пока трудно, хотя сами монеты несут название места чеканки. В кладах попадаются полушки, отнесенные к числу московских, но это бывает очень редко. Постараемся подтвердить наше предположение о «разделении труда» между денежными дворами. За основу для определения места чеканки каждого типа денег и копеек мы будем брать следующие показатели: а) средний процент содержания числа монет каждого типа в кладах различных ареалов; б) число (в процентном выражении) монет каждого типа в кладах, сложившихся в момент начала чеканки этого типа, или в период, пока длилась его чеканка, и сравнение данных по всем четырем ареалам; в) наличие поштемпельной связи между различными типами; г) наличие стилистической близости рисунка и легенд между различными типами. Руководствуясь этой методикой,³⁰ мы пришли к выводу, что Московский двор чеканил наиболее многочисленную группу именных великокняжеских денег без букв под конем (таблица, I) и царских денег без букв и с буквами ДЕ (таблица, II). Эти обе группы, представленные многочисленными штемпелями, объединены друг с другом, что свидетельствует о чеканке их в одном центре. Группу безымянных великокняжеских денег без

²⁹ Сказания иностранцев о России в XVI и XVII ст. — Высказывание Барберини, конечно, могло быть произвольным толкованием ходячего названия русских монет «московки» и «новгородки», которое он мог понять как указание на место их чеканки. Однако заслуживает внимания сам факт четкого подразделения русской монеты по локальному признаку на два вида — деления, которого не мог не заметить в 1565 г. даже иностранец!

³⁰ Подробнее см.: Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533—1598). — *НиЭ*, 1980, XIII.

букв под конем и соединенную с ними общим штемпелем именную великокняжескую денгу с написанием слова «великий» через «и» десятиричное, а также великокняжескую денгу с буквой ω и царскую денгу с буквами IV мы относим к тверскому чекану (таблица, III—VI). Вполне возможно, что к московскому чекану следует отнести мечевую копейку (таблица, VII). Кстати, как можно убедиться, самые низкие показатели для последней дали псковские клады, хотя, согласно прочтению букв ПСК в конце легенды мечевой копейки, она считалась псковской, так как буквы эти расшифровывались как слово «Псков». Отнесение мечевой копейки к московскому чекану не противоречит нашей версии о специализации Московского двора на чеканке только одного номинала — денег. Ведь мечевая копейка отличается от денег только весом, равным весу копейки, а размеры рисунка и тип надписи мечевых копеек и денег совпадают. Это говорит за то, что маточники для мечевых копеек делались по образцу денежных и московским денежникам не нужно было ни обзаводиться новым оборудованием, ни приобретать новые навыки.

Если принять высказанную здесь точку зрения о сосредоточении чеканки денег на Московском и Тверском денежных дворах, то местом производства копеек нужно считать Новгородский и Псковский дворы.

К Псковскому двору мы отнесли чеканку великокняжеской копейки с буквой Λ под конем (1535—1547 гг., таблица, VIII). Основанием для такой атрибуции служит высокий показатель среднего процентного содержания их в псковских кладах (12.37%), а также клад № 4, найденный неподалеку от Пскова, зарытый между 1535—1538 гг., на 88.6% состоящий из копеек с буквой Λ . Приписывающиеся к московскому чекану копейки с буквами IVA и IP (1547—1550-е гг., таблица, XII и XIII), по нашему мнению, тоже должны быть отнесены к псковскому или новгородскому чеканам. И псковские, и новгородские клады имеют наиболее высокие средние показатели содержания этих типов, но в пользу псковского их происхождения говорит тот факт, что в псковском кладе № 14 1550—1555 гг. их содержится 6.4 и 23.4%, а в современном ему новгородском кладе № 15 — 0.8 и 0.6%. Явная стилистическая близость рисунка и надписей копеек IVA и IP свидетельствует о чеканке их в одном центре. К псковскому чекану отнесена также группа копеек с буквами MA , C/MH , IV/p и O/p (1560-е—1584 гг., таблица, XV). Средний показатель числа монет этого типа оказывается самым высоким в кладах псковского ареала (24.27%), а в отдельных кладах 60-х—начала 70-х годов они содержатся в количествах, равных 53.9, 39.8 и 36.16%.

К чекану Новгородского двора отнесена великокняжеская безымянная копейка без букв (1535—1537 гг., таблица, IX), стилистически очень близкая дореформенным новгородским монетам, которым были присущи те же угловатые, резкие линии ри-

сунка, крупный бусовый ободок на обеих сторонах монеты.³¹ Но все же категорически утверждать о принадлежности ее к новгородскому чекану мы не решаемся, потому что в московских кладах среднее процентное содержание этой копейки оказалось выше, чем в новгородских (8.62% — в московских, 6.19% — в новгородских). В ранних московских кладах эта копейка содержится в больших количествах, чем в новгородских. Может быть, новые, удачные по составу клады позволят в дальнейшем окончательно разрешить вопрос о месте чеканки великокняжеской безымянной копейки без букв под конем. К новгородской чеканке нами отнесена также великокняжеская копейка с буквами ФС (1537—1547 гг., таблица, X). В новгородских кладах она содержится в количестве 4.37%, в московских — 3.39%, в псковских — 1.55%, в тверских — 2.76%. Стилистически она близка к предыдущей безымянной копейке, условно отнесенной нами к новгородскому чекану, мы видим здесь тоже стремительно скачущего безбородого всадника. За ней следует копейка с буквами ПС (1547—1550-е гг., таблица, XI). Стилистически она повторяет тип описанных выше новгородских копеек, среднее процентное содержание ее в кладах новгородского ареала оказывается самым высоким (10.05% по сравнению с 8.03% в псковских кладах, 6.49% — в московских, 4.68% — в тверских). К тому же в новгородском кладе № 15 (1550-е годы) копейки ПС представлены очень высоким показателем — 26%. На Новгородском денежном дворе с середины 50-х годов XVI в., на наш взгляд, начинает чеканиться большая группа копеек с буквами АЛ, ГД, ВАЯ, С/ВАЯ и проч., объединенная общим оборотным штемпелем (таблица, XIV). Открывающая чеканку этой группы копейка с буквами АЛ стилистически очень сходна со всеми новгородскими копейками с изображением скачущего коня, особенно с копейкой ФС. Затем в рисунках лицевых сторон этой группы начинают появляться варианты — изображение скачущего всадника перемежается с изображением всадника с бородой на идущем шагом коне. Более всего убеждает в новгородском происхождении этой группы копеек количественное преимущество их в новгородских кладах (16.84% против 6.31% в московских кладах, 7.68% — в псковских, 4.09% — в тверских). В кладах новгородского ареала 70—80-х годов, когда чеканились эти монеты, процент их особенно высок.

Согласно предложенной выше систематизации монет, распределение их между денежными дворами оказывается совершенно иным, чем это предполагалось раньше. Из 47 типов монет Ивана IV к чекану Московского двора мы отнесли 14 типов денег и один тип копейки — мечевую копейку. К чекану Псковского двора отнесено 8 типов: копейки А, ИВА, ГР, МА, С/МН, ИВ/р, Θ/р; к чекану Новгородского двора — 15 типов: безымянная

³¹ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве..., с. 303.

великокняжеская копейка без букв, копейки ФС, ПС, АЛ, ГД, ВАЯ, С/ВАЯ, к/МИХ, к/ВА, Я/ДМ, Ю/Р, к/АН, Θ/АН; к чекану Тверского двора — 5 типов: безымянные великокняжеские денги, великокняжеские именные денги с буквой ω и царские денги с буквами ИВ, а также великокняжеская именная денга без букв, с написанием слова «великий» через «и» десятиричное.

Представление о производственных возможностях денежных дворов в Русском государстве при Иване IV совершенно меняется. Монеты показывают, что денежные дворы работали очень неравномерно, а значение каждого из дворов в денежном производстве не было величиной постоянной, менялось на протяжении его правления неоднократно. Московский денежный двор действительно занимал ведущее положение в первой половине правления Грозного. Здесь чеканился основной номинал реформы — денги-«московки», — до 50-х годов XVI в. игравший главную роль в системе номиналов, введенных реформой (копейка—денга—полушка). Возможно, там же чеканились и все типы полушек. После 1547 г. на Московском дворе продолжалась чеканка денег, так называемых «царских», поскольку они несли царский титул Ивана IV. По нашему мнению, других номиналов в Москве не чеканили. Об этом свидетельствуют и приведенные выше данные московских кладов, неизменно показывающие самый малый процент копеек в их составе, и прямое указание Торговой книги: «а выходят ефимки добрые на Москве в московки».³² Со второй половины XVI в. обнаруживается значительный спад производственной активности Московского двора. Процентное содержание царских денег в кладах второй половины правления Грозного выше 34% не поднималось (даже в кладах московского ареала), в то время как великокняжеские денги в кладах, зарытых до 50-х годов, достигали 50—60% от состава клада. Отсутствие или резкое сокращение количества царских денег в кладах 50-х—начала 60-х годов приводит к убеждению, что вскоре после 1547 г. чеканка их или была прервана, или резко сократилась на какое-то время. Денги вновь обнаруживаются в кладах 70—80-х годов. По всей видимости, здесь сыграли роковую роль опустошительные пожары (апреля и июня) 1547 г., когда выгорели Китай-город, дворы за Яузой и Москвой-рекой, в Кремле, на посадах от Арбата по конец Тверской, на Дмитровке, Мясницкой, Покровке и Варварке.³³ Денежный двор, расположенный на берегу р. Москвы, на Варварке, мог пострадать от этих пожаров. О том, что денежный двор сгорел или серьезно пострадал, косвенным образом свидетельствует постройка Гостиного двора на пожарище, образовавшемся между современными улицами Разина, Куйбышева, Рыбным и Хрустальными переул-

³² Торговая книга, с. 116.

³³ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. — Труды Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1950, с. 53—55.

ками.³⁴ Однако причиной упадка Московского двора были, очевидно, не только и не столько пожары. После введения в 1565 г. опричнины и разделения московской территории на земскую и опричную он оказался на территории, отошедшей к земщине. Очевидно, управление двором и получение доходов от чеканки вошли в компетенцию земских властей. Прямых указаний на порядок управления денежными дворами при Иване IV неизвестно. По всей видимости, в середине XVI в. не было еще центрального органа, в ведении которого находились бы денежные дворы,³⁵ как это имело место после образования в 1626 г. Приказа Большой Казны, ставшего центральным органом управления всеми государственными денежными дворами. Принадлежность денежного двора к кругу учреждений земщины определила, надо полагать, и характер отношений Ивана IV к его деятельности. Согласно своей последовательно враждебной политике по отношению к земщине и ее институтам, царская власть в лице Ивана IV предпочитала отныне, очевидно, обращаться с казенными заказами не на Московский, а на Псковский и Новгородский денежные дворы. Другой источник серебра — заказы от частных лиц в 50—60-х годах — должен был тоже резко сократиться, поскольку значительная часть московских потенциальных владельцев сырья и заказчиков («лучших людей») была в эти годы разорена или физически истреблена, да и все население Москвы уменьшилось почти в три раза.

Запустение Московского денежного двора во второй половине XVI в. находит объяснение и еще в одном конкретном обстоятельстве. Экономическое развитие, расширение и углубление торговых связей внутри страны в течение XVI в. поставили перед денежным обращением необходимость пользоваться копеейкой как самым крупным и удобным номиналом денежной системы. Неуклонный рост цен на протяжении XVI в.³⁶ требовал более крупных реально существующих единиц денежного счета. Ими становились копейки, а денги и полушки постепенно отодвигались на положение разменной монеты. Рост значения копейки в денежном обращении делается еще более заметным в XVII в., когда до 1613 г. чеканка денег была прекращена вообще, а после 1613 г. возобновилась в скромных масштабах. Судьбу полушек в XVII в. определить труднее, поскольку полушки не несли имени правителя. Возможно, чеканка их производилась эпизодически, как это имело место в Новгороде в 1611 г.³⁷ По мере падения роли денег сокращалось и число заказов на их производ-

³⁴ Там же, с. 55.

³⁵ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. — Изд. Моск. ун-та, 1961.

³⁶ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1950.

³⁷ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... с. 241.

ство. Торговые люди предпочитали переделывать свое серебро на копейки, что можно было сделать только в Новгороде или в Пскове, поскольку в Москве копеек не чеканили. Лишенный притока серебра, находившийся в опальном городе, Московский денежный двор медленно хирел. «Возрождение» его наступило только в самые последние годы XVI в., при Федоре Ивановиче. Характерно, что «возрождение» это оказалось связанным с переходом к производству копеек.

Псковский и Новгородский денежные дворы, в отличие от Московского, судя по данным монет, переживают пору своего расцвета как раз во второй половине XVI в. Этому способствовали многие обстоятельства. Прежде всего прекращение или сокращение (временное) деятельности Московского двора должно было поставить перед периферийными центрами чеканки необходимость бесперебойного снабжения денежного обращения, а возросшая к тому времени роль копейки привлекла на эти дворы большую часть запасов серебра, владельцы которого стремились получить на руки крупные номиналы, более удобные для торговых сделок. Но главную роль в возвышении этих дворов должны были сыграть внешнеполитическая конъюнктура и внутривнутриполитические события. Присоединение к России в 1558 г. Нарвы вызвало оживление торговой деятельности местного купечества. Успехи России в Ливонской войне, вернувшие России Полоцк и открывшие западноевропейские рынки для русской торговли, способствовали процветанию русской внешней торговли в 60—70-х годах. Уже одно это вызвало приток серебра на денежные дворы, которые ответили увеличением производственных мощностей, т. е. увеличением числа одновременно находившихся в производстве штемпелей. Увеличивался и объем чеканки. Расцвет деятельности Новгородского и Псковского денежных дворов, судя по данным классификации, приходится как раз на 60—70-е годы — на годы, наиболее благоприятные для внешней торговли России. Монеты же показывают, что, как ни парадоксально это звучит, разгром Новгорода не сказался отрицательно на денежном дворе. Напротив, его расположение на Торговой стороне, отошедшей после 1570 г. к опричнине, обусловило включение его в систему опричных учреждений. О заинтересованности опричных властей в получении доходов от чеканки монет красноречиво свидетельствует уставная таможенная грамота 1571 г., где говорится о порядке взимания пошлин за чеканку.³⁸ Под опекой и защитой опричных властей, для которых денежный двор стал источником постоянного и прочного дохода, он мог работать, не испытывая особых затруднений. Одним из наиболее солидных заказчиков здесь могла выступать царская казна, заинтересованная к тому же в бесперебойной работе денежного двора.

³⁸ Собрание Государственных грамот и договоров, № 43.

Вполне естественно, что размах деятельности Новгородского денежного двора в 60—70-х годах мог потребовать расширения производственных помещений. Писцовые книги 1581—1582 гг. засвидетельствовали, что этот факт уже произошел, а писцовые книги 1586 г. показывают, что первоначально присоединенное помещение заменили на более обширное. Понятно также, почему двор Язычкова, взятый под денежный двор, не оказался освоенным. Неудачи Ливонской войны лишили Русское государство недолгое преимущество во внешней торговле с Западом, опорные пункты внешней торговли на западной границе — Нарва, Ям, Корела, Копорье, Ивангород, Полоцк — отошли к врагу, Смоленск и Псков были разрушены. Северо-западные окраины государства пребывали в запустении. Хозяйственное разорение 80-х годов XVI в. усугубляло бедственную картину.

Естественно, что изменившаяся обстановка не могла не отразиться на состоянии денежных дворов. Клады 80-х годов XVI в. показывают сокращение количества копеек новгородского и псковского чекана по сравнению с таковыми 60—70-х годов. Во времена Федора Ивановича вплоть до Тязвинского мира 1595 г. монеты практически почти не чеканились. Нам известны только два типа денег, чеканенных на Московском денежном дворе в более чем скромных масштабах: один тип псковской копейки, для чеканки которой использовался лицевой штемпель, изготовленный еще при Иване IV (☉—р), и один тип новгородской копейки с буквами НЕ под ногами всадника. В кладах времени Федора Ивановича, зарытых до 1596 г., монеты Федора встречаются единичными экземплярами, причем чекан Новгородского двора оказывается все же более обильным по сравнению с чеканами других дворов. Очевидно, это был слабый отблеск прежнего размаха. Естественно, что в этих условиях — при сокращении или фактическом прекращении чеканки — расширение территории денежного двора в Новгороде перестало быть необходимостью, и взятое под денежное производство помещение пустовало в 80-х—начале 90-х годов XVI в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список кладов монет Ивана IV и Федора Ивановича *

1. Арзамас Горьковского р-на. 1553 г. 286 экз. Издан: Ильин А. А. *Топография кладов древних русских монет X—XV вв. и монет удельного периода*. Л., 1924, с. 38, № 54.

* Принятые в списке сокращения: КМЗ — Коломенский музей-заповедник; КОМ — Калининский областной музей; МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы; НМ — Новгородский историко-художественный архитектурный музей-заповедник; ОН ГЭ — Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа; ОН ГИМ — Отдел нумизматики Государственного Исторического музея; ПКМ — Псковский историко-художественный архитектурный музей-заповедник.

2. Павловка Одоевского р-на Тульской обл. 1535 г. 460 экз. ОН ГЭ—IX.
3. Карташиха Лаишевского р-на Татарской АССР. 1535 г. 340 экз. Издан: Ильин А. А. Топография кладов..., с. 32, № 21.
4. Симоново Палкинского р-на Псковского обл. 1537—1538 гг. 53 экз. ПКМ—2499.
5. Устюжна Вологодской обл. 1537—1538 гг. 7626 экз. Орешников А. В. Материалы к русской нумизматике до царского периода (Дополнение к «Русским монетам до 1547 года»). М., 1901.
6. Никулино Лотошихинского р-на Московской обл. 1537—1538 гг. 342 экз. ОН ГИМ—89443.
7. Лакинский Собинского р-на Владимирской обл. 1538—1547 гг. 54 экз. (часть клада). ОН ГИМ—96697.
8. Место находки неизвестно. 1538—1547 гг. 446 экз. ОН ГЭ—XIV.
9. Москва, окрестности. 1547 г. 82 экз. ОН ГИМ—101741.
10. Дынино Сапдовского р-на Калининской обл. 1550—1555-е гг. 837 экз. ОН ГЭ—VI.
11. Красная Поляна Мытищинского р-на Московской обл. 1550—1555-е гг. 62 экз. (часть клада). ОН ГИМ—94218.
12. Москва. 1550—1555-е гг. 370 экз. МИРМ—7362.
13. Трестна Максатихинского р-на Калининской обл. 1550—1555-е гг. 1067 экз. ОН ГИМ—95432.
14. Псков. 1550—1555-е гг. 247 экз. ПКМ—2120.
15. Новгород. 1550—1555-е гг. 2505 экз. НМ—10532.
16. Малаховка Раменского р-на Московской обл. 1550—1555-е гг. 41 экз. (часть клада). ОН ГИМ—103526.
17. Быково Раменского р-на Московской обл. 1560—1570-е гг. 1783 экз. ОН ГИМ—96975.
18. Николаевка Можайского р-на Московской обл. 1560—1570-е гг. 255 экз. ОН ГИМ—101501.
19. Новоторжский р-н Калининской обл., деревня неизвестна. 1560—1570-е гг. 483 экз. КОМ—1508.
20. Винница Подпорожского р-на Ленинградской обл. 1570-е гг. 48 экз. (часть клада), ОН ГЭ—XXXV-а.
21. Красногородск Псковской обл. 1560—1570-е гг. 285 экз. ПКМ—2641.
22. Москва. 1570-е гг. 1923 экз. ОН ГЭ—I.
23. Крюково Псковского р-на Псковской обл. 1570—1580-е гг. 528 экз. ПКМ—I.
24. Москва, Коломенское. 1571 г. 410 экз. КМЗ—I.
25. Чудово Новгородской обл. 1570-е гг. 2133 экз. ОН ГЭ—XXIV.
26. Морозовка Наровчатского р-на Пензенской обл. 1580-е гг. 3390 экз. Издан: Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве..., с. 283.
27. Калинин. 1580-е гг. 1140 экз. КОМ—3254.
28. Калинин. 1580-е гг. 1011 экз. КОМ—2783.
29. Псков. 1580-е гг. 192 экз. ПКМ—2434.
30. Место находки неизвестно. 1580-е гг. 575 экз. ОН ГЭ—№ 3 (новая серия).
31. Колхоз им. Пушкина Зубцовского р-на Калининской обл. 1580-е гг. 73 экз. (часть клада). КОМ—№ 1 врем. хран.
32. Великие Луки Псковской обл. 1570—1580-е гг. 24 экз. (часть клада). ОН ГИМ—83297.
33. Псков или Псковская обл. 1580-е гг. 288 экз. ОН ГЭ—IV.
34. Москва, 1580-е гг. 1686 экз. МИРМ—2.
35. Оз. Ильмень, Новгородская обл., деревня неизвестна. 1580-е гг. 407 экз. ОН ГЭ—X.
36. Тостцы Маловишерского р-на Новгородской обл. 1580-е гг. 34 экз. (часть клада). ОН ГИМ—81839.
37. Жуковский Раменского р-на Московской обл. 1585 г. 369 экз. ОН ГИМ—84874.

38. Золотилово Загорского р-на Московской обл. 1585 г. 295 экз. ОН ГИМ—88693.
39. Подлипки Псковского р-на Псковской обл. 1590-е гг. 886 экз. ПКМ—4010.
40. Москва. 1580-е гг. 142 экз. (часть клада). ОН ГИМ—90917.
41. Яжелбицы Валдайского р-на Новгородской обл. 1596 г. 723 экз. НМ—23302.
42. Псков. 1598 г. 138 экз. ПКМ—2165.
43. Дубешня Псковского р-на Псковской обл. 1598 г. 587 экз. ПКМ—3101.

Примечание. Клады № 1, 2, 3, 7, 8, 26, 30 не включены в таблицу, поскольку место их находки не может быть отнесено к определенному ареалу.

В. Е. ВОЗГРИН, И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ШВЕДСКАЯ КАРТА НИЗОВЬЕВ НЕВЫ 1640-х ГОДОВ

Большой интерес у исследователей, особенно у историков Петербурга, уже давно вызывают карты той местности, на которой в 1703 г. был основан великий город на Неве. Еще во второй четверти и середине прошлого века первый историк берегов Невы член-корреспондент Российской Академии наук А. И. Гиппинг много лет занимался поисками составленных в XVII в. шведских карт и планов Невы и стоявшего в устье Охты шведского города Ниеншанца; обнаруженные им в архивохранилищах шведские карты и планы (вместе с аналогичными материалами, разысканными после смерти Гиппинга академиком А. А. Куником) были опубликованы в начале XX в. А. С. Лаппо-Данилевским.¹ Еще несколько карт и планов XVII в. было напечатано в приложениях к другим изданиям.² Однако все эти карты не давали подробных

¹ Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. Пг., 1913 (приложение к изданию: Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц, ч. I, II. СПб., 1909; I часть этой книги впервые издана на шведском языке в 1836 г.). — Здесь опубликовано 13 карт и планов, которые были скопированы с оригиналов еще в середине прошлого века, но (вместе с русским переводом книги Гиппинга) 60 лет ожидали издания, пока этим не занялся А. С. Лаппо-Данилевский. К тому времени местонахождение большинства подлинников карт и планов установить было уже невозможно, удалось лишь выяснить, что оригиналы четырех публикуемых планов Ниеншанца (№ 3, 5, 6, 7) хранятся в Военном архиве в Стокгольме (Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником, с. 1, 8—9). Можно лишь предполагать, что остальные карты были скопированы в архивах Петербурга или Выборга.

² Карта низовьев Невы 1698 г. опубликована А. А. Куником в приложении к книге: Писцовые книги Ижорской земли, т. I, отд. 2. СПб., 1862 (переиздана в публикации 1913 г.). Финский историк К. Бонддорф опубликовал 3 плана, позднее вошедшие в публикацию 1913 г. (№ 3, 5 и 6), и еще один план Ниеншанца 1681 г. (Bonsdorff C. Nyen och Nyenskans. Helsingfors, 1891). Кроме того, в изданном в середине прои-